

Гастроли Днепровского Государственного украинского драматического театра им. Т. Г. Шевченко

Украинская классика на сцене Днепровского театра

Советский театр бережно хранит все то лучшее, что оставило нам в наследство искусство прошлого. И если на сцене Днепровского театра им. Т. Г. Шевченко идут шедевры украинской классики — опера С. Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем» и комедия Г. Квитки-Основьяненко «Шельменко-денщик», то это лишний раз свидетельствует о большой популярности и широком признании произведений реалистов XIX века, о лживости утверждений буржуазных искусствоведов, будто реализм изжил себя.

С именем С. Гулака-Артемовского связана одна из самых интересных страниц в истории украинской культуры. Когда Гулак-Артемовский был юношей, его пение услышал гениальный Глинка, находившийся в то время на Украине. Он привез талантливую юношу в Петербург, дал ему музыкальное образование, сделал из него не только замечательного певца, но и композитора. Дружба, которая возникла тогда между русским и украинским композиторами, является одним из ярких проявлений многовекового братства наших народов. В самой музыке Гулака-Артемовского много общего с музыкой Глинки. Эта музыка народна не только потому, что в ней использованы народные мелодии, но и по своему своему складу.

Заслуженному артисту УССР, лауреату Сталинской премии В. Овчаренко, ставившему «Запорожца за Дунаем» на сцене Днепровского театра, удалось передать главное в опере — ее национальный колорит, ее патристическое содержание, тонкий народный юмор и жизнедастность украинского народа. Иррические герои Оксана и Андрей, предпринимающие побег на родину; султан, отпускающий на волю украинского казака, очутившегося после падения Запорожской Сечи на турецкой земле, за Дунаем; веселая ватага хлопцев и девчат, выражающих свою радость по поводу возвращения домой в задумчивой украинской песне и огненной пляске, — все это, конечно, не лишено наивности, исторической ограниченности. Не так-то весело жилось под турецкой властью задумчивым казакам. Но в талантливой сценической постановке стираются слабости оперного либретто, и вы с захватывающим интересом начинаете следить за яркими событиями, за интересной жизнью героев.

Артистка Н. Мамай тонко показывает переходы в настроении Одары, создает образ украинской женщины, полный человечности и искренности. Об Одаре никогда не говорят отдельно. Она немисима без ее «чоловіка» — Ивана Караса. Вот он после долгого отсутствия явился домой пьяным и сразу попал под град гневных вопросов Одары. Есть от чего растеряться, даже струсить. Поневолье начнешь изворачиваться, чтобы не попасть от жены. И за пережитые минуты страха Карас не прочь потом разыграть жену: «Тепер я турок — ке бозак». В этой трактовке, предложенной заслуженным артистом УССР, лауреатом Сталинской премии А. Верменичем, много оригинального, если учесть,

что популярнейшую в оперной литературе партию Караса исполняли все выдающиеся певцы нашей страны, начиная с самого автора оперы и кончая народным артистом СССР И. Паторжинским.

Жалобы Одары на свою горькую долю до слез трогают Караса-Верменича, тогда как Карас-Кривиченко на сцене Большого театра не верит ни одному слову жены и замечает по поводу ее жалоб: «От бреше». Верменич вкладывает в образ больше искренности, доверчивости, почти наивности. И что самое существенное, в этом сильном, но порой смешном, робющем перед женой человеке, артист сумел увидеть то, о чем Максим Рыльский писал, что в Карасе «за чертами гоголевского Солопия Червика скрывается величественная фигура Тараса Бульбы».

Музыкальный уровень спектакля, к сожалению, невысок. Бедный по составу и исполнительским возможностям оркестр (дирижер А. Родинский) не смог передать красоту музыки Гулака-Артемовского.

И все же, несмотря на все недостатки спектакля, как-то не хотелось расстаться с героями оперы, с Одаркой, с полюбившимся зрителю Карасем.

Но вот на сцене родной брат Караса — денщик Шельменко. Время, которое разделяет вольного украинского казака Ивана Караса и служивого Шельменко, в прошлом волостного писаря, конечно, велико. Вы, может быть, не найдете в Шельменко тех героических черт характера, которые проявлялись иногда в натуре запорожца. Шельменко способен всерьез испугаться собачки. С другой стороны, вряд ли Карасю был свойствен тот легкий, но явственно ощутимый душой стяжательство, который заметен у Шельменко, мечтающего стать управляющим в имении помещика Шпака. (В пьесе Г. Квитки-Основьяненко «Шельменко — волостной писарь» эта черта героя подчеркнута еще сильнее). Но есть общая для двух героев черта, которая вызывает симпатию зрителей к Карасю и Шельменко. Это их неунывающая веселость, остроумие, лукавство, ироническое отношение к себе самому и к окружающим.

Ставя комедию Квитки-Основьяненко, в которой так полно проявилась связь одного из первых украинских реалистических писателей с творчеством Гоголя, театр должен был сделать упор именно на последнюю черту в характере главного героя. Режиссер, заслуженный артист УССР, лауреат Сталинской премии И. Кобринский и исполнитель роли Шельменко артист М. Садовский поняли это. Образ умного, энергичного денщика, который дурачит всех окружающих и в первую очередь помещика Шпака, помогая своему капитану жениться на дочери Шпака — Присиньке, вышел, несомненно, удачным. Обаяние Садовского в этой роли помогает оттенить в спектакле глупость, чванливость, комичность других персонажей, решенных режиссером и актерами в плане сатирического обличения.

Вспомните «просвещенного» помещика Шпака, хвастающего своей родовитостью, умом и читающего газету «Московские

ведомости» только через год после ее получения (артист И. Бунецкий). Когда он выходит на сцену с очередной порцией прошлых газет, заткнутых за пояс халата и развешенных при каждом движении, он выглядит очень смело. Прекрасная деталь.

Вспомните помещика Опецковского с его вздорной претензией делать мировую политику, вершить судьбы стран и народов (артист И. Михалж), его почтенную супругу, которая после недолгого пребывания в Петербурге забыла, что ее зовут Горпиной (артистка Н. Гудель), придурковатого Лопуцьковского, главное событие в жизни которого — давнишнее путешествие из Чернигова в Воронеж (артист Л. Ситченко). В заключительной сцене, когда Шельменко, танцуя вместе с другими гостями полонез, провозжает со сцены последнюю пару, Лопуцьковского и Эвжени, воображаемым линком ноги, это вызывает у зрителей бурную, веселую реакцию.

Менее выразительны образы жены Шпака (артистка У. Калининченко) и дочери Опецковского Эвжени (артистка Г. Гавриленко). Почему постановщик побоялся сохранить в речи Эвжени те французские выражения, которые есть в комедии и которые легко переводятся даже без знания французского языка? Ведь разговор на французско-нижегородском диалекте, много раз осмеянный в нашей литературе прошлого века, придаст бы образу Эвжени особую сатирическую характерность.

Неудачными оказались и образы капитана Скворцова и Присиньки, дочери Шпака (артисты В. Патляк и Л. Солнцева). Они выглядят какими-то безликими, абстрактно лирическими героями, тогда как в пьесе они задуманы как явно сатирические фигуры: небогатый капитан женится по расчету на вздорной, глуповатой провинциальной барышне. Вообще единственными персонажами, наделенными авторской симпатией, являются по комедии и должны являться в спектакле простые люди: денщик Шельменко и горничная Мотря.

Мы познакомились за время гастролей Днепровского театра со многими значительными спектаклями. Мы горячо аплодировали участникам «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского. Тепло принял зритель «Преступление Энтони Гранта». Теперь мы благодарны театру за любовно поставленные произведения украинских классиков.

Вл. ГРИГОРЬЕВ.